

УДК 821.161.1 : 81.25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-191-206

ПЕРЕВОДЫ М. БЭРИНГА В «АНТОЛОГИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ» С. БАУРА: ВЫБОР РЕДАКТОРА, ВЫБОР ПЕРЕВОДЧИКА

С. Б. Королева, Е. В. Васильев

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00706, <https://rscf.ru/project/24-28-00706/>.

В статье исследуются принципы отбора произведений и их переводов для «Антологии русской поэзии» (*A Book of Russian Verse*) под редакцией С. М. Баура (С. М. Bowra) — первой антологии русской лирики на английском языке, изданной для англоязычного интеллектуала в 1940-е годы. Цель статьи — охарактеризовать концепцию русской литературы, представленную в книге, определить степень воздействия на нее трудов М. Бэринга (M. Baring) и Д. С. Мирского (D. S. Mirsky) и описать связь ее основных положений с общими интерпретативными признаками переводов Бэринга, включенных в книгу. Актуальность исследования обусловлена современным запросом на научное осмысление истории и содержательных особенностей восприятия русской литературы за рубежом. Основным материалом исследования послужил сборник русской лирики под редакцией С. М. Баура и труды М. Бэринга и Д. С. Мирского по истории русской литературы. В основу методологии исследования лег синтез литературоведческих методов: сравнительно-исторического, герменевтического и рецептивного с теорией перевода. Основным результатом исследования стали следующие выводы: а) Концепция русской литературы, изложенная в Предисловии к «Антологии русской поэзии» под редакцией Сесила Баура и подтвержденная ее структурой и содержанием, синтезировала этнокультурную интерпретацию русской литературы (М. Бэринг) с интерпретацией культурно-эстетической (Д. С. Мирский); б) русская поэзия в «Антологии» представала своеобразным проявлением национального духа и одновременно отдельной сферой творчества, пути которого были предопределены гением Пушкина; в) один из основных путей был проложен, как это представлено в Предисловии и структуре книги, «Пророком» Пушкина. При этом перевод Бэринга, использованный в Антологии, задавал стихотворению внеправославное библейски-ветхозаветное звучание и, как и другие его переводы из Пушкина, глубоко изменял смысловое поле исходного текста: с одной стороны, замещал изображение духовно-эмоциональных состояний лирического героя узкой религиозной их интерпретацией, с другой же, — двигался от синергично-диалогических отношений в сторону принципиальной монологичности.

Ключевые слова: С. М. Баур; М. Бэринг; «Антология русской поэзии»; интерпретация; концепция русской поэзии; перевод.

Цитирование: Королева С. Б., Васильев Е. В. Переводы М. Бэринга в «Антологии русской поэзии» С. Баура: выбор редактора, выбор переводчика // Вестник Нижегородского государственного

лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 191–206. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-191-206.

**M. Baring's Translations in *A Book of Russian Verse* by C. Bowra:
Editorial and Translation Choices**

Svetlana B. Koroleva, Evgenij V. Vasil'ev

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

This article explores principles of selecting works and their translations for *A Book of Russian Verse*, edited by C. M. Bowra, the first anthology of Russian lyric poetry in English published for English-speaking intellectuals in the 1940s. The article aims to characterize the concept of Russian literature presented in the book, assess the influence of M. Baring's and D. S. Mirsky's scholarship on its construction, and analyze the relationship between the anthology's interpretive framework and Baring's translations included in the book. The relevance of this research lies in the ongoing scholarly interest in understanding how Russian literature has been perceived abroad. The primary material consists of Bowra's anthology and the works of Baring and Mirsky on Russian literary history. Methodologically, the study combines comparative, cultural, and hermeneutic approaches from literary studies with translation theory. The study arrives at several key conclusions: (a) The concept of Russian literature presented in Bowra's introduction to *A Book of Russian Verse*, and reflected in the anthology's structure and content, synthesizes Baring's ethnocultural interpretation with Mirsky's cultural and aesthetic perspective; (b) Russian poetry in the anthology is portrayed as both a unique expression of the national spirit and an independent sphere of creativity, with Pushkin's genius defining its trajectory; (c) even though, according to the anthology's Introduction and its structure, one of the main trajectories in the development of Russian poetry was defined by Pushkin's poem *The Prophet*, Baring's translation of *The Prophet* exemplifies how his approach imparted a non-Orthodox biblical tone, simultaneously narrowing the depiction of the lyrical hero's spiritual and emotional states into a religiously framed interpretation and shifting the work's dialogical dynamics toward the dominance of a single subject.

Key words: C. M. Bowra; M. Baring; *A Book of Russian Verse*; interpretation; conception of Russian poetry; translation.

Citation: Koroleva, Svetlana B., & Vasil'ev, Evgenij V. (2025) M. Baring's Translations in *A Book Of Russian Verse* by C. Bowra: Editorial and Translation Choices. *LUNN Bulletin*, 4 (72), 191–206. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-191-206.

1. Введение

Антология русской поэзии (*A Book of Russian Verse*) под ред. С. Баура (C. Bowra) впервые увидела свет в 1943 г. Выпустило ее одно из центральных лондонских издательств (Macmillan and Co) в серии, рассчитанной на относительно широкую (интеллектуальную) аудиторию: *The heritage of symbolism. FROM VIRGIL TO MILTON*. Об основной цели публикации (просветительской по своему характеру) сказано вполне определенно в кратком комментарии-предисловии к ее второму изданию. При этом формулировка цели, явственно отражая

горизонт читательских ожиданий, ориентирована на сформированные у английского (англоязычного) читателя представления о вершинных творениях русской литературы: «Долгое время существовала потребность в антологии лучшей русской поэзии в хороших английских переводах, и книга является ответом на этот запрос <...> Русская поэзия малоизвестна в Англии, соответственно книга призвана познакомить английского читателя с авторами, которые в своей стране считаются по крайней мере равными ее великим романистам» (Здесь и далее перевод (если не указано иное) наш. – С. К.) / *An anthology of the best Russian poetry in good English translations has long been needed, and this book is an attempt to supply this need <...> Russian poetry is not well known in England, and it is hope that this book will make more familiar authors who in their own country are regarded as at least the peers of the great novelists* (Bowra 1947: flyleaf). Русская поэзия, по замыслу редактора и издателя, должна вслед за прозой русских писателей XIX века явить английскому (англоязычному) читателю своеобразие и величие русской культуры.

Эта антология была первым сборником русской лирической поэзии в английских переводах и выдержала четыре переиздания, последнее из которых появилось в 1976 г. Ее редактором и составителем стал известный английский переводчик (в том числе с русского), «выдающаяся фигура в академической жизни Оксфордского университета» (*a prominent figure in academic life at Oxford University* [Davidson 2009: 42]), автор многочисленных критических статей о русских поэтах С. М. Баура (Сесил Бауэра). В книгу вошла избранная лирика 27 русских поэтов XIX – начала XX вв. (до 1920-х годов), включая Пушкина (36 стихотворений и фрагментов из поэм), Лермонтова (22), Тютчева (10), Некрасова (6), Фета (9), Сологуба (4), Брюсова (5), Блока (17), Есенина (3), Маяковского (1). Количество отобранных стихотворений в его соотношении с именами избранных авторов свидетельствует о своеобразной концепции русской поэзии, сформированной в сознании редактора-составителя. Эту концепцию он изложил в объемном предисловии к этой книге.

Книга, составленная Баура, никогда не становилась объектом научного осмысления ни с позиции рецептивной эстетики, ни с точки зрения межлитературных связей. Между тем ее издательская история, равно как очевидная продуманность и своеобразие ее концепции, заслуживают исследовательского внимания в контексте изучения английского канона русской литературы и истории его формирования.

2. Характеристика материала и методов исследования

Основным материалом исследования послужил сборник русской лирики под редакцией С. М. Баура: его вводные части (*Preface* и *Introduction*), его структура и содержание, а также тексты Пушкина, данные в переводе М. Бэринга.

Использовались в качестве опорного материала и труды М. Бэринга и Д. С. Мирского по истории русской литературы, особенно в том, что касается пушкинского творчества.

Что касается опорных научных трудов и методов, вошедших в методологию исследования, то теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области теории перевода (см.: [Комиссаров 2002; Модестов 2010]), рецептивной эстетики (см.: [Потебня 1976; Iser 1978]), герменевтики (см.: [Лихачев 1968; Гадамер 1988]) и сравнительно-исторического метода в литературоведении (см.: [Григорьев 1977; Лотман 1995; Лейтон 1999]).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Уточняя цель издания книги и редакторский замысел, Баура указывает, что основной своей задачей считает дать «репрезентативную выборку» (*a representative selection*) лирических стихотворений русских поэтов в «верных и поэтичных» переводах (*as faithful and as readable as can be found* [Bowra 1947: v]). Вместе с тем он детально поясняет свои взгляды на историю и своеобразие форм и основного содержания русской поэзии.

Отталкиваясь от мысли о том, что вся она начинается с Пушкина и около 1922 года совершает резкий скачок в сторону от основного вектора своего развития, Баура подробно останавливается на описании этого вектора. В предложенном им взгляде на причины и основные компоненты содержательного своеобразия русской поэзии обнаруживаются явные следы влияния этнокультурной концепции поэзии, изложенной в научно-просветительских трудах Мориса Бэринга. О неслучайности этого сходства прямо свидетельствует акцентное указание его имени первым в числе имен авторов, чьи переводы были использованы в антологии.

О русской литературе М. Бэринг (Maurice Baring) — английский дипломат, журналист, писатель, переводчик, составитель антологии русской поэзии на русском языке (*The Oxford book of Russian Verse*, 1925) — написал две разные по своим задачам и принципам составления книги: книгу — подступ к проблеме «Вехи русской литературы» (*Landmarks in Russian literature*, 1910) и более подробный «Очерк истории русской литературы» (*Outline of Russian literature*, 1914). Концепция русской поэзии, в общих чертах изложенная в «Вехах» и более содержательно в «Очерке», была воспроизведена им десятилетием позже в развернутом предисловии к «Оксфордской антологии» (*The Oxford book of Russian Verse*, 1925), выдержавшей за период 1920-х–1970-х годов восемь репринтов и переизданий (1st edition: 1942, 1944; 2nd edition: 1948, 1953, 1958, 1961, 1966, 1971).

Суть этой концепции определяется распознаванием в ней черт имманентного реализма (позитивизма), по наблюдениям М. Бэринга, свойственного русскому национальному характеру, — черт, о которых тот подробно рассуждает

в книгах «Русский народ» (*The Russian People*, 1911) и «Истоки России» (*The Mainsprings of Russia*, 1914). Уже в «Вехах русской литературы», стремясь определить и пояснить отличительные черты русской литературы для себя и англоязычного читателя, Бэринг исходит из общего утверждения о том, что вся русская поэзия «основана на выраженном здравом смысле, вся пропитана им» (*is based on and saturated with sound common sense*) и что в этом она не похожа на поэзию ни немецкую, ни английскую, ни французскую (Baring 1912: 25). В качестве ярчайшего примера Бэринг указывает на «величайших русских поэтов» (*the greatest Russian poets*) Пушкина и Лермонтова: в отличие от признанных поэтов-романтиков Шелли или Мюссе, они не возводят башни отвлеченных размышлений и не адресуют своему читателю революционно-мятежные призывы / *no Russian Romantic poet would have ever tried to reach the dim pinnacles of Shelley's speculative cities, and no Russian Romantic poet would have uttered a wild cry of revolt such as Musset's Rolla*, но «извлекают поэзию из обыденности» / *extract poetry from the daily life*. Пушкин же находит для этого извлечения «сбалансированную до совершенства» (*perfectly balanced*) форму, интуитивно спаянную со здравым смыслом (*this sense of balance and proportion blent with a rooted common sense*) (Baring 1912: 27).

Из оценок и описаний «пушкинской» главы бэринговского «Очерка русской литературы» рождается синтез этнокультурной интерпретации пушкинского творчества с культурно-эстетическим подходом к художественному слову — синтез, в котором творчество Пушкина в целом предстает уникальным проявлением гения русского народа и в котором, наряду с характеристиками «поэт обыденной действительности» (*a poet of everyday life*) и «все-обнимающей человечности» (*all-embracing humanity*)¹, ключевым становится определение «великий художник» (*a great artist*), «влюбленный в красоту» (*a lover of the beautiful*) (Baring 1915: 96, 98).

Этнокультурное толкование «человечного реализма» Пушкина в «Очерке» и «Вехах» Бэринга на смысловом уровне смыкается с его высказываниями о русском национальном характере в «Истоках России» и «Русском народе». В первой из этих книг Бэринг указывает на здравый смысл (*common sense*), жизнерадостность и чувство юмора (*cheerfulness; good humour*) как на черты, присущие русскому крестьянину (Baring 1914: 60). Во второй отмечает, что свойственный ему здравый смысл, проявляемый в смекалке (*shrewdness*) и практическом чутье (*practical sense*), является лишь формой общего «духа позитивизма и реализма» (*spirit of positivism and realism*), свойственного русскому народу (Baring 1911: 53).

С другой стороны; для него очевидно, что реализм в русском человеке сочетается с адаптивностью (*all-round adaptability*) и человечностью (*humane*)

¹ Здесь Бэринг прямо ссылается на Достоевского и его идею всечеловечности русского человека.

(Baring 1914: 40), равно как с чрезвычайной одаренностью энергией (*extra flip of energy*). Неслучайно в «Очерке» он открыто соглашается с Достоевским в том, что «способность понять всех и каждого» (наравне с чувством реальности) делает Пушкина поэтом «глубоко русским» (*this capacity for understanding everything and everybody, which makes him so profoundly Russian*) (Baring 1915: 96).

Следуя за М. Бэрингом и в основных элементах его этнокультурной концепции, и в самой логике ее изложения, С. Баура в своем предисловии сравнивает русскую поэзию с европейской (английской, итальянской, французской) и указывает на «более мягкую» интонацию (*its tones are quieter*), приглушенные оттенки (*its colours more subdued*), меньшую авантюренность, дерзость в выборе предмета изображения (*its subjects less adventurous*) (Bowra 1947: xiii). «Даже в XIX веке мир, изображенный в русской поэзии, намного спокойнее и ближе к обыденности, чем мы могли бы ожидать в век Шелли и Гюго» / *even in the nineteenth century the world revealed in Russian poetry is much quieter, much closer to common life, than we should expect in the age of Shelley and Hugo* (Ibid.), — поясняет автор-составитель.

В то же время как переводчик с длительным опытом работы над поэтическими произведениями разных национальных литературных и культурных традиций, он указывает на «адаптивность, разнообразие и выразительность» (*adaptability and variety and expressiveness*) (Bowra 1947: xiv) самого русского языка; подчеркивает, что «по своей природе» тот «из всех европейских языков, может быть, наиболее предрасположен к поэзии» / *Russian is perhaps of all European languages the most gifted by nature for poetry* (Bowra 1947: xv). В целом в предисловии к составленной им антологии русской поэзии С. Баура излагает собственную, оригинальную позицию, во многом основанную на синтезе двух основополагающих для англоязычной славистики концепций пушкинского творчества — М. Бэринга и Д. С. Мирского — и в то же время обобщающую опыт собственной переводческой деятельности.

Баура обнаруживает в истории русской поэзии не только проявление духа русского народа, но и масштабное влияние пушкинского гения: «Русская поэзия в большой степени создана девятнадцатым веком и даже одним человеком» / *Russian poetry is largely the creation of the nineteenth century and even of a single man*, — так начинается его Введение (*Introduction*) (Bowra 1947: xiii). Продолжается же оно уточнением: «Русская поэзия <...> едва ли не всем обязана Пушкину. <...> если мы знаем Пушкина, мы знаем отличительные признаки [всей] русской поэзии» / *Russian poetry, as we know it, owes an incalculable debt to Pushkin. <...> if we know Pushkin, we know the peculiar qualities of Russian poetry*) (Ibid.). В представлении о решающем воздействии пушкинского творчества на пути развития русской поэзии Баура оказывается близок не М. Бэрингу, а другому своему предшественнику по линии изучения истории русской поэзии и литературы в целом —

Д. С. Мирскому, «главному спецу по русской литературе для англоязычного мира» (Ефимов 2019).

В его трудах (в первую очередь в статье «Пушкин», написанной для «Славянского обозрения» (*Pushkin*, 1923), а также в монографиях «Пушкин» (*Pushkin*, 1926) и «История русской литературы» (*A History of Russian Literature*, 1926)) поэт предстает гением, связанным отнюдь не с русским народным сознанием (ср.: «нелепица говорить о Пушкине как о продукте русского народа» (Мирский 2014: 59)²), но с высокой дворянской культурой, и при этом вся послепушкинская культура оказывается озаренной им, его поэтикой, в том числе и его особенным реализмом. В векторе именно такого толкования роли Пушкина в русской культуре Мирский характеризует поэта как «последний цвет <...> специфической цивилизации, <которая> зачата Петром Великим <...> и начала разлагаться при Николае I» (Там же: 58). И уточняет: «Гений Пушкина был создан высокой и специфической космополитической цивилизацией русского дворянства» (Там же: 59). Все последующее развитие русской литературы Мирский соотносит с присущим «Евгению Онегину» особенным реализмом, синтезирующим поэтизацию действительности с верностью ее изображения (см.: [Mirsky 1926: 88]).

К общим особенностям содержания русской поэзии Баура относит в первую очередь «живое восприятие человечности», внимание к душе, к внутренней жизни человека (ср.: *The Russian poets, like the Russian novelists, have a lively understanding of many kinds of humanity <...> the soul, <...> the fundamental, unchanging nature behind it [the external circumstance]. <...> this profound interest in human life* [Bowra 1947: xv–xvi]). И называет в числе произведений, в которых впервые определилась эта особенность, пушкинские «Я вас любил...» и «Письмо Татьяны».

Выделяет Баура и противоборство сердечной, телесной и душевно-духовной жизни как важнейший предмет изображения в русской поэзии — противоборство, в котором «наслаждение умалется и сдерживается ощущением греха» (*The claims of the heart, or of the flesh, are countered by the claims of the soul; the sense of pleasure is haunted and corrected by a sense of sin* [Bowra 1947: xvii]). И указывает в связи с этим утверждением на стихотворение «Воспоминание» Пушкина как ее (этой особенности) ярчайшее проявление и литературный источник (фундамент).

Проницательно выделяет переводчик-составитель среди принципиальных особенностей русской поэзии «присутствие иного мира», смыкающееся с «любовью к Господу» и «мистической концепцией жизни», как то, что выделяет русскую поэзию, характеризует ее национальное своеобразие (*In the Russian soul the love of God is a natural counterpart to the loves of men <...> This sense of another world may at times take special forms <...> a mystical conception of life, and from this*

² Перевод с английского работ Мирского в этой книге осуществлен М. В. Ефимовым.

few Russian poets are very far [Bowra 1947: xvii]). В качестве ярчайшего примера и основного источника поэтических воплощений этого вектора Баура приводит пушкинского «великолепного» (*magnificent*) «Пророка».

Именно с «Пророка» Пушкина вся русская поэзия начинается в книге Баура: это стихотворение стоит первым и открывает собой всю антологию; заканчивает же (и ожидаемо) пушкинскую часть «Памятник». Автором перевода «Пророка», выбранного для публикации редактором, является М. Бэринг; автором перевода «Памятника» стал сам Баура.

Бэринговский перевод пушкинского «Пророка» первоначально был опубликован в книге «Потерянные лекции» (*Lost lectures; or, The fruits of experience...*, 1932); в 1933 г. напечатан в двенадцатом томе «Славянского и восточноевропейского обозрения» (*Slavonic and East European Review*), а в юбилейном 1937 году воспроизведен в этом журнале снова (а также в последней книге Бэринга (*Have You Anything to Declare? A Notebook with Commentaries*, 1937)). И хотя этот перевод не вошел во влиятельное англоязычное издание пушкинских сочинений под редакцией А. Ярмолинского и не стал первым переводом пушкинского «Пророка» на английский язык³, он занял свою нишу в истории англоязычных переводов из Пушкина, на что указывает его воспроизведение (с историко-биографическим комментарием) в выпуске журнала «Честертон Ревью» (*The Chesterton Review*) за февраль-май 2000 г. и в современном электронном издании пушкинского собрания сочинений в переводах на английский язык (Pushkin 2022–2023).

Кроме того, этот перевод стал единственным из всех бэринговских переводов из Пушкина, вошедшим в его последнюю книгу, и оказался для переводчика и писателя текстом «длиною в жизнь». Путь к нему был намечен Бэрингом еще в 1914 г. в упомянутом выше «Очерке истории русской литературы». Отмечая в ней необыкновенную значимость этого стихотворения как «вершины, которой Пушкин достиг лишь однажды» (*a height to which Pushkin only attained once*) и как шедевра мировой поэзии, в котором величие образов и грандиозная гармония звучания удивительным образом воплощают и мильтоновский дух, и экспрессивность Данте (*It is Miltonic in conception and Dantesque in expression*) (Baring 1915: 88), Бэринг приводит текст в собственном прозаическом переложении. «Пророком» фактически завершается в книге рассказ о пушкинском творчестве,

³ А. Ярмолинский перечисляет пять переводов пушкинского «Пророка», осуществленных до М. Бэринга; все они относятся к периоду 1890-х – 1920-х годов: это переводы Ф. П. Марчанта (F. P. Marchant) для «Англо-русского литературного общества» (*The Anglo-Russian Literary Society*, 1898), М. Дж. Уокера (M. G. Walker) для «Свободной России» (*Free Russia*, 1899), Э. Хита (E. Heath) для «Журнала Скрибнера» (*Scribner's Magazine*, 1903), У. Э. Дрейка (W. A. Drake) для «Гомилетического обзора» (*Homiletic Review*, 1925) и Э. Р. Форсайта (A. R. Forsyth) для «Славянского обозрения» (*Slavonic Review*, 1925). Кроме отмеченных в этом списке следует назвать перевод Б. Дойча, впервые опубликованный в антологии «Современная русская поэзия» (*Modern Russian Poetry. An Anthology*, 1921) и вошедший во все издания пушкинского собрания сочинений под ред. А. Ярмолинского (начиная с издания 1936 г.). См.: (Yarmolinsky 1937: 10).

поскольку далее следует лишь немногословное описание «катастрофы» (*catastrophe*) 1837 года и обобщающие тезисы о значении и особенностях пушкинского гения. Более того, это единственное стихотворение, которое Бэринг включает в свой сорокапятистраничный рассказ о Пушкине, воспроизводя его содержание целиком.

Характеристика «Пророка» как шедевра мировой литературы и прозаический перевод даются и в бэринговском предисловии к оксфордской антологии русской поэзии на русском языке. Именно с «Пророка» в этой книге начинается раздел, посвященный пушкинским стихотворениям. Таким образом, все остальные опубликованные в ней пушкинские стихотворения (как и вся русская поэзия в антологии Баура) стоят под знаком «Пророка», то есть под знаком образов поэта-пророка и внутреннего пути от поэзии к поэзии-пророчеству как пути мучительного преобразования. Не случайно в список отобранных для публикации в бэринговской антологии пушкинских произведений попали «Молитва» («Отцы пустынноики и жены непорочны...»), две «Элегии» («Я пережил свои желанья...» и «Безумных лет угасшее веселье...»), «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»), «Красавица» — стихотворения, воссоздающие внутреннюю жизнь глубокой, поэтической души, в которой стремление к тому, чтобы «мыслить и страдать», совмещается с «сердечными угрызеньями» и чуткостью к «божественному глаголу» и в которой из мелькающего калейдоскопа различных чувств и настроений складывается облик удивительно искренней и возвышенной души.

Бэринг в разное время перевел все упомянутые выше пушкинские стихотворения и опубликовал их в 1931 г. в сборнике своих переводов из Пушкина. В антологии же Баура в бэринговском переводе даны, кроме «Пророка», еще 5 пушкинских произведений. В них поэт предстает перед английским читателем не только в глубоких философско-религиозных раздумьях (как в обеих «Элегиях» и «Молитве»), но и в состоянии переживаний, связанных с любовью к женщине и благоговением перед женской красотой («Для берегов отчизны дальней...» и «Красавица»).

В целом антология Баура, представив образцы любовной, пейзажной, гражданской, религиозно-философской лирики Пушкина, осветила пушкинское творчество не менее полно, чем антология Бэринга, но несколько иначе — и, разумеется, для другого читателя⁴. В бэринговскую антологию вошли «Анчар», «Пир Петра Великого», отрывки из «Полтавы», «Бориса Годунова» и «Скупого рыцаря» — тексты, сложно освещающие проблему власти, поднимающие вопросы философии истории на русском материале; более того, в книге акцент

⁴ Антология Бэринга, составленная из стихотворений в оригинале (т. е. на русском языке), предназначалась, очевидно, для «русских факультетов» Великобритании. Книга же Баура — для более широкой читательской аудитории.

явственно сделан не на любовной, пейзажной или гражданской лирике Пушкина (хотя образцы этих направлений здесь представлены), но на религиозно-философских темах, включая тему поэтического творчества. В сборнике же Баура представлена исключительно пушкинская лирика⁵, и в ней переводчик-составитель находит ту «любовь к своей стране» (*this love of their country*) — ее удивительному «бескрайнему пейзажу» (*that illimitable landscape*) и ее «страстной душе» (*that passionate soul*), — которая делает поэта столь глубоко русским и которая становится залогом эталонности его творчества в русской поэзии (Bowra 1947: xix–xx). Несколько схематизируя, можно утверждать, что если в книге Бэринга пушкинская поэзия явлена как одно из высочайших достижений мировой культуры, то в сборнике Баура лирика Пушкина представлена как источник и гениальное проявление именно русской поэзии.

Попытка Баура отразить в сборнике доминантные темы русской поэзии и одновременно показать ее содержательное своеобразие нашла отражение в том числе в выборе редактором переводов из Пушкина, осуществленных М. Бэрингом. В них в целом прослеживается установка на внутреннюю (смысловую) и внешнюю (в поэтической форме) точность в воссоздании исходного текста — обусловленная, по всей видимости, как переводческими принципами, так и позицией преклонения перед эстетическим совершенством и содержательной глубиной переводимых текстов. И однако в каждом из осуществленных Бэрингом переводов прослеживается тенденция к изменению смысловой ткани пушкинских произведений — тенденция, связанная, с одной стороны, с интерпретацией внутренних, духовно-эмоциональных состояний, изображенных в них, в исключительно религиозном русле; с другой же — с уходом от семантики синергийно-диалогических отношений. И тому, и другому можно найти рациональное объяснение как в плане биографическом (Бэринг в 1909 г. принял католичество и был всю оставшуюся жизнь привержен католической вере), так и в плане общекультурном (идея синергийного взаимодействия укоренена, как известно, именно в православном мировоззрении).

Так, пушкинский «Пророк» начинается с описания ситуации духовного перепутья, то есть стремления и одновременно сомнения. Это архетипическая ситуация вопроса-выбора, на онтологическую глубину которой поэт только намекает: «Духовной жаждою томим, / В пустыне мрачной я влачился...» (Пушкин 1959: 148). В переводе Бэринга тонкий пушкинский символизм «духовной жажды» замещается символизмом с более определенными — религиозными, христианскими — очертаниями: в нем говорится об «изнемогающей душе, жаждущей [Божьей] благодати» (*fainting soul athirst for Grace*) (Bowra 1947: 1). Несмотря на то, что за существительным *grace* в английском языке закреплено несколько значений, написание его с заглавной буквы указывает на единственно

⁵ «Письмо Татьяны» вполне вписывается в этот ряд.

возможное в контексте: «Божья благодать» (см.: *approval or kindness, especially (in the Christian religion) that is freely given by God to all humans* [Cambridge Dictionary a]).

Заключительные же четыре строки пушкинского «Пророка» в прочтении Бэринга кардинально расходятся с исходным текстом — до такой степени, что пересоздают всю концепцию пушкинского образа поэта-пророка. Стихотворение Пушкина оканчивается словами Господа, адресованными преображенному поэту и точно определяющими его пророческое служение:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей (Пушкин 1959: 149).

Поэт, прошедший мучительное духовное и телесное преображение в ответ на свой внутренний призыв, в результате этого преображения обретший обостренные телесные и духовные чувства и способность «исполниться» Божьей «волей», призван к служению своим «глаголом» — своим поэтическим даром. «Огненная» символика в Библии шире обличительной. Столь же расширительно следует понимать и призвание поэта-пророка: это призвание к служению словом, приобщенным Истине, доходящим до сердца, выжигающим самой своей божественной природой нечистоту в нем и раздувающим огонь божественной любви (Москвин 2016). Иными словами, призыв Господа «Глаголом жги сердца людей» подразумевает не просто пророческий дар, но дар художественного слова, что особенно очевидно в контексте поэтической полемики Пушкина с «пророками» Ф. Н. Глинки, В. Г. Кюхельбекера и Н. М. Языкова (см.: [Сурат 1995; Артамонова 2014; Королева 2019]).

Отношения между Божьей волей и поэтическим «глаголом», обозначенные в финале пушкинского текста, — особый вариант синергийных, взаимонаправленных действий человека и «мира горнего». Заключительные строки перевода Бэринга значительно упрощают пушкинскую концепцию поэта-пророка: они замещают отношения синергийного взаимодействия между «глаголом» поэта и «волей» Господа отношениями повелевания — исполнения. Вместо образа человека, творящего свое поэтическое слово с опорой на дарованную Господом способность знать, воспринимать и транслировать Вышнюю волю, в них создан образ человека-сосуда, человека-инструмента в руках Божиих:

*Arise, and let My voice be heard,
Charged with My will go forth and span
The land and sea, and let My word
Lay waste with fire the heart of man* (Bowra 1947: 1).

В формальном плане основное изменение касается присутствия местоимения «Мой» (соотносящегося с Господом): однократному его употреблению в исходном тексте соответствует три случая использования в переводе: Господь в версии Бэринга говорит поэту не только о Своей воле (*My will*), которая должна «охватить землю и море» (*the land and sea*), но и Своим голосе (*My voice*), который должен быть всем «слышен» (*be heard*), и о Своем слове (*My word*), которое должно «предавать огню сердца людей» (*Lay waste with fire the heart of man*). Поэт у Бэринга, проходя все «пушкинские» стадии мучительного преображения, в конечном итоге перестает быть поэтом, но становится, скорее, ветхозаветным пророком, несущим людям Волю и Слово Господа.

Слово *Grace* появляется у Бэринга и в интерпретации стихотворения «Отцы пустынные и жены непорочны...»: характеристика *отсутствия* («непорочны») замещается в его версии признаком *присутствия* (Божьей благодати): *full of Grace*, тем самым широкая семантика духовной и физической чистоты заменяется на религиозно окрашенную семантику полноты приобщенности божественному. Более того, переводчик присваивает стихотворению название «Молитва» / *A Prayer*, предопределяя тем самым значительное сужение его смыслового поля (Bowra 1947: 11). Для пушкинского текста принципиальна диалогическая необъяснимость ситуации: лирического героя чудесным образом влечет к себе одна из сложенных «отцами пустынниками» молитв — та, которая читается во все дни Великого Поста (за исключением субботы и воскресенья) и которую когда-то сложил преподобный Ефрем Сирин, один из Отцов Церкви, богослов и поэт. Название «Молитва» снимает момент диалогичности, как и момент чудесной синергичности духовных устремлений лирического героя и духовно-эмоционального строя молитвы Ефрема Сирина.

Семантика чудесно-синергичной духовно-эмоциональной встречи уточнена в стихотворении Пушкина глаголами и глагольными сочетаниями, описывающими воздействие молитвы на лирического героя в православном русле: она «умиляет» его и «крепит неведомою силой» (Пушкин 1959: 456). Подобренные Бэрингом эквиваленты вместо православной семантики предлагают значения, связанные либо с общей способностью воздействовать на внутренний мир человека, либо влиять на него магическим образом. Так, глаголу «умиляет» в форме настоящего времени в значении (обычно, всегда, постоянно) «трогать нравственно, возбуждать нежные чувства, любовь, жалость» (см.: [Даль 2006]), «вводит в состояние глубокого, просветленного чувства смирения, сердечной мягкости и благодарности» (см.: [Старк 1982: 193]) — в переводе соответствует глагол *moved* — «тронула» в форме прошедшего времени в значении однократного эмоционально-духовного воздействия в самом широком спектре значений (ср: *caused someone to have strong feelings, such as sadness, sympathy, happiness, or admiration* [Cambridge Dictionary b]). Глагольное же сочетание «крепит неведомою силой» прочитывается Бэрингом как «наводит (на слабую душу) животворные чары» (*breathe on the*

faint soul a vital spell [Bowra 1947: 11]). В переводе сохраняется семантика чудесного, но при этом она вписана в поле магического и, следовательно, одностороннего влияния, а не религиозно-синергического вопросно-ответного взаимодействия, как в оригинале.

Движение к более узкой религиозной трактовке сюжета и одновременно к большей монологичности и смысловой завершенности текста прослеживается и в бэринговском переводе «Для берегов отчизны дальней...». Так же, как в случае с «Отцами-пустынниками...», Бэринг присваивает пушкинскому неназванному произведению наименование — здесь, правда, весьма условное: «К...» (*To...*), и однако прямо указывающее (в отличие от текста-оригинала) на интимно-личный характер содержания, подчеркивающее момент автобиографичности в нем. Замена в переводе глаголов несовершенного вида в форме прошедшего времени, передающих мучительную длительность действий в прошлом, формами простого прошедшего времени, обозначающими чередование однократных действий, акцентирует событийность, а не процессуальность (как у Пушкина): «покидала», «плакал», «старались», «молил» (Пушкин 1959: 326) — *went, shed, tried, cried* (Bowra 1947: 13). При этом строки «Томленье страшное разлуки / Мой стон молил не прерывать» (Пушкин 1959: 326), не имеющие религиозной окраски у Пушкина, Бэринг трактует в строго религиозном ключе: в его переводе душа обращается к Небу с просьбой не оканчивать агонию расставания (*“End not,” my soul to Heaven cried, / The parting’s dreadful agony!*) [Bowra 1947: 13]).

Своеобразно прочитывает Бэринг и последние строки пушкинского произведения, выражающие состояние ожидания встречи за гробом: «А с ними поцелуй свиданья... / Но жду его; он за тобой...» (Пушкин 1959: 326). Это состояние тонко балансирует на грани религиозно-мистического чувства и любовно-элегического настроения, что связано с ситуативным контрастом смерти возлюбленной и жизни любви (ожидания нового свидания и поцелуя). Это гармоническое равновесие связано с выделением поцелуя как грамматического субъекта, соединяющего подразумеваемое «я» с «тобой». У Бэринга религиозно-мистическое чувство преобладает над любовно-элегическим: хрупкое пушкинское равновесие нарушено словом «воскрешение» (или «воскрешающий»): *Gone is the resurrection kiss...* / «Ушел в небытие воскрешающий поцелуй», — так в переводе передана строка о поцелуе свиданья. Кроме того, столь ожидаемый лирическим героем поцелуй не соединяет «я» с «тобой» в последней строке перевода, но предназначен только «мне». Монологическим «мною», а не диалогическим «тобой» оканчивается перевод Бэринга: *I wait for it. It is for me* / «Я жду его. Он для меня» (Bowra 1947: 13).

4. Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что «Антология русской поэзии» под редакцией Сесила Баура имела не только явственно выраженную

просветительскую направленность, но и вполне определенную концепцию истории и содержания русской поэзии. В этой концепции этнокультурная интерпретация русской литературы, изложенная в трудах М. Бэринга, была синтезирована с интерпретацией культурно-эстетической, оформившейся у другого предшественника Баура — Д. С. Мирского; при этом суждения предшественников были восприняты Баура опосредованно, с опорой на собственный переводчески-языковой опыт.

В концепции С. Баура, изложенной в этой первой англоязычной антологии русской поэзии, русская литература представляла в сравнении с литературой западноевропейской особым проявлением национального духа (отмеченным чертами сдержанности, лаконичности, приглушенности интонаций, возвышенной поэтичности и одухотворенности при одновременном внимании к обыденной реальности) и в то же время целостным движением человеческого, творческого духа, пути которого были предопределены гением Пушкина. Один из основных путей (или же основной, судя по положению стихотворения в структуре книги) был проложен, как это представляло в Предисловии и структуре Антологии, «Пророком» Пушкина, с его вниманием к проникновению горнего мира в мир человеческий, земной, к мучительному преображению поэта на путях приобщения божественному. При этом перевод Бэринга, использованный в Антологии, задавал стихотворению неправославное библейски-ветхозаветное звучание и, как и другие его переводы из Пушкина, опубликованные в книге, глубоко изменял смысловое поле исходного текста. С одной стороны, переводы Бэринга замещали тонкое изображение духовно-эмоциональных состояний лирического героя более узкой религиозной их интерпретацией; с другой стороны, они двигались от изображения синергийно-диалогических отношений между лирическим героем и миром в сторону принципиальной их монологичности.

Список литературы / References

- Артамонова Л. А., Карпенко Г. Ю. Мотив преобразования в стихотворении А. С. Пушкина «Пророк» и в рассказе Ф. М. Достоевского «Мужик Марей» // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1. С. 140–145. [Artamonova, Ludmila A., Karpenko, Gennadiy Yu. (2014) Motiv preobrazhenija v stihotvorenii A. S. Pushkina «Prorok» i v rasskaze F. M. Dostoevskogo «Muzhik Marei» (The Motif of Transfiguration in A. S. Pushkin's poem "The Prophet" and in F. M. Dostoevsky's story "The Peasant Marey"). *Vestnik of Samara State University*, 1, 140–145. (In Russian)].
- Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. [Gadamer, Hans-Georg. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevtiki* (Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Григорьев А. Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Ленинград: Наука Ленингр. отд-ние, 1977. [Grigoriev, Alexey L. (1977) *Russkaya literature v zarubezhnom*

- literaturovedenii* (Russian Literature in Foreign Literary Studies). Leningrad: Nauka Leningr. otd-nie. (In Russian)].
- Ефимов М. В. Весьма мучительное свойство. К 80-летию гибели Д. П. Святополк-Мирского // Звезда. 2019. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/6/vesma-muchitelnoe-svoystvo.html?ysclid=lvq7gwiyv928437608> (дата обращения: 04.02.2025). [Efimov, Mihail V. (2019) Ves'ma muchitel'noe svoystvo. K 80-letiju gibeli D. P. Sv'atopolk-Mirskogo (A Very Painful Quality. On the 80th Anniversary of the Death of D. P. Svyatopolk-Mirsky). *Zvezda*, 6. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/6/vesma-muchitelnoe-svoystvo.html?ysclid=lvq7gwiyv928437608> (2025, February 4). (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. [Komissarov, Vilen N. (2002) *Sovremennoye perevodovedeniye* (Modern Translation Studies). Moscow: ETS. (In Russian)].
- Королева С. Б. Пророческая тема в стихотворении А. С. Пушкина «Пророк»: диалог с традицией и эпохой // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 206–225. [Koroleva, Svetlana B. (2019) Prorocheskaya tema v stihotvorenii A. S. Pushkina «Prorok»: dialog s tradiciej i epochoj (The Prophetic Theme in A. S. Pushkin's Poem "The Prophet": Dialogue with Tradition and Era). *Tomsk State University Journal of Philology*, 61, 206–225. (In Russian)].
- Лейтон Л. Пушкин в англоязычном мире // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 2. С. 135–139. [Leighton, Lauren G. (1999) Puskin v angloyazychnom mire (Pushkin in the English-Speaking World). *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 69 (2), 135–139. (In Russian)].
- Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87. [Likhachev, Dmitry S. (1968) Vnutrenniy mir khudozhestvennogo proizvedeniya (The Inner World of a Work of Art). *Voprosy literatury*, 8, 74–87. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин»: Комментарий. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1995. [Lotman, Yury M. (1995) *Pushkin: Biografija pisatel'a. Stat'i i zametki. 1960–1990. "Yevgeny Onegin": Kommentarij* (Pushkin: A Writer's Biography. Articles and Notes. 1960–1990. "Eugene Onegin": Commentary). St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, (In Russian)].
- Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014. [Mirsky, Dmitry. (2014) *O literature i iskusstve: Stat'i i retsenzii 1922–1937* (On Literature and Arts: Essays and Reviews of 1922–1937). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russian)].
- Модестов В. С. Теория и практика художественного перевода: учебное пособие. Москва: Высшая школа, 2010. [Modestov, Valery S. (2010) *Teoriya i praktika hudozhestvennogo perevoda: uchebnoe posobie* (Theory and Practice of Literary Translation: A Study Guide). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Москвин Г. В. Пророк: таинство преображения и жажда истока (пророческая тема в поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. А. Лобачевского. 2016. № 2. С. 240–245. [Moskvin, Georgy V. (2016) Prorok: tainstvo preobrazhenija i zhazhda istoka (prorocheskaja tema v poezii A. S. Pushkina i M. Ju. Lermontova) (The Prophet: The Sacrament of Transfiguration and the Thirst for the Source (The Prophetic Theme in the Poetry of A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov)). *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2, 240–245. (In Russian)].
- Сурат И. «Твое пророческое слово...» // Новый мир. 1995. № 1. С. 236–239. [Surat, Irina (1995). «Tvoye prorocheskoye slovo...» ("Your Prophetic Word..."). *Novyj Mir*, 1, 236–239. (In Russian)].

- Старк В. П. Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1982. Т. 10. С. 193–203. [Stark, Vadim P. (1982) Stihotvorenie «Otsy pustynniki i zheny neporochny...» i tsykl Pushkina 1836 g. (The Poem “The Desert Fathers and the Immaculate Wives...” and Pushkin’s 1836 Cycle). *Pushkin: Issledovaniya i materialy* (Pushkin: Research and Materials). Leningrad: Nauka. Leningr. otdelenie, Vol. 10, 193–203. (In Russian)].
- Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. [Potebnya, Aleksandr A. (1976) *Estetika i poetika* (Aesthetics and Poetics). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Baring, Maurice. (1912) *Landmarks in Russian Literature*. New York: The Macmillan Co.
- Baring, Maurice. (1914) *The Mainsprings of Russia*. London: Thomas Nelson and Sons.
- Baring, Maurice. (1915) *An Outline of Russian Literature*. New York: H. Holt and Co; London: Williams and Norgate.
- Baring, Maurice. (1911) *The Russian People*. London: Methuen and Co.
- Davidson, Pamela C. (2009) M. Bowra’s “Overestimation” of Pasternak and the Genesis of Doctor Zhivago. In Fleishman, Lazar. (ed.) *The Life of Boris Pasternak’s Doctor Zhivago*. Stanford: Stanford Slavic Studies, 42–69.
- Iser, Wolfgang. (1978) *The Act of Reading: a Theory of Aesthetic Response* (tr. from German). Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Mirsky, Dmitry S. (1926) *Pushkin*. London: G. Routledge and Sons, LTD. New York: E.P. Dutton and Co.
- Pushkin, Alexander (2022–2023). Collected Works: Parallel Russian Text and English Translation / Ed. by Eugene Gorny. *Russian Virtual Library*, Vol. 1. Retrieved from <https://rvb.ru/pt/pushkin/0420b-en.html> (2025, March 14).
- Yarmolinsky, Abraham. (ed.) (1937) *Pushkin in English: A list of works by and about Pushkin* / comp. by the Slavonic div. New York: The New York publ. Libr.

Словари / Dictionaries

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. М.: РИПОЛ классик, 2006. Том 4: Р – Я. [Dahl, Vladimir I. (2006) *Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vol.). Vol. 4: R – Ya. Moscow: RIPOL klassik. (In Russian)].
- Cambridge Dictionary a. Grace. In *DictionaryCambridge.org*. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/grace?ysclid=mi7aj33hk7498507546> (2025, August 12).
- Cambridge Dictionary b. Move. In *DictionaryCambridge.org*. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/move?ysclid=mi7civ4nx8908516801> (2025, August 12).

Источники языкового материала / Language material resources

- Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. М.: ГИХЛ, 1959. [Pushkin, Alexander S. (1959) *Sobranie sochinenij: v 10 tomah. T. 2. Stihotvoreniya 1823–1836* (Collected Works: in 10 vol. Vol. 2. Poems of 1823–1836). (In Russian)].
- Bowra, Cecil M. (ed.) (1947) *A Book of Russian Verse*. London: MacMillan and Co LTD.